

K 81-й годовщине со дня рождения А. М. Горького

М. ГОРЬКИЙ

Кирилка

...Была волна выкатился из леса на опушку. Ислай пристал на колхоз, вытаянулся, посмотрел вдаль и сказал:

— Ах ты, чорт,— каялся, тронулась!

— Ну?

— А право... как будто идет...

— Гони скорее!

— Эх ты, мар-марладина!

Бородатое и толстое животное, с ослиными ушами и шерстью пуделя, от удара вынужденным по его крупу отскочило в сторону и дрогнуло, остановилось, и перебралась на месте ногами, обиженно закачало головой.

— Но, я тебе поклоняюсь! — крикнул Ислай, дергая руку.

Пса-мощину Ислай Макинников — уродливый человек, сорока лет от роду. На левой щеке и под челюстью у него росла рожь борода, а на правой вдруга огромная кисть — она закрыла ему глаз, опускалась морщинистым мешком на плечо. Отчаянный пынин, недурной философ и насмешник, он vez в своем родном брату и москве товарищу, сельскому учителю, умиравшему от чахотки. За пять часов времени мы не проехали и двадцать верст, потому что дорога была скверная, а то фантастическое животное, которое везло нас, имело дурной характер. Ислай называл его шинигам, жерновом, ступой или другими странными именами, причем каждое из них одинаково шло к этому коню, метко подчеркивая ту или иную особенность его внешности и характера. И среди людей часто встречалась также же сложные существа, которых как ни назови — всё будет виору, лишь имя человека хима неайд.

Над нами наливалось серое небо, сплющившееся тучами, вокруг распахнулись луга в темных пятнах проталин. Впереди, верстах в трех, возвышались синеватые холмы горного берега Волги, тяжелое небо опиралось на них. Река была певицей из косматой гряды прибрежных кустов. С юга дул ветер, вода в лужах морилась и громасничала, в воздухе метался скучный сырой дым — хлопоты грязи под ногами лопались...

— Задержит нас река, — говорил Ислай, подсыпывая в колхоз. — Яков не дождется и погибнет... тогда из всего нашего странства выйдет одно бесполезное утешение плоти... Но, ежели мы и застанем его в живых — какая польза? Одна помеха и больше ничего... В час смерти не следует торчать перед глазами отходящего, нужно оставить человека одного, дабы не отводить его взгляда во внутрь себя на предмет посторонний... В час смерти человек должен смотреть в глубину своего сердца, а не на пустыни, ибо живой для умирающего есть пустыня и липкий предмет... Положим, оно так узложится законом жизни, чтобы у оца предстояло близнеце покидающего юношу... но ежели рассуждать с употреблением разума, а не мозгом пятых наших, то опять-таки оказывается, что в этом обычье нет пользы ни живым, ни мертвым, а одно излишество в терзании сердца. Живой не должен и вспоминать о том, что есть смерть и ждет он... Живому это временно, потому что отменяет радости... Ты, чортов пест! Играй ногами веселей... Но-но!

Ислай говорил одноточно, густым, сильным голосом, и его неизменная, длинная фигура, захванившая в широкий, дымящий рыхлый армяк, неуклюже болталась на колхозах, подпрыгивая, перепрыгивая с бока на бок, клянясь и откладывая назад. Широкоподальная черная шапка, подарок батюшки, была привязана тесемками под бородой. Исломощник тянул острой головой, пыняла сажающую ему на глаза, полы армяка раздувались от ветра. Ислай вертелся, сжался, ругался, а я, глядя на него, думал о том, как много человек тратят энергии на борьбу с мелочами. Если бы нас не одолевали гнусные черви мелких будничных зол, — мы легко раздавили бы страшных змей наших несчастий.

— Идет! — умыло восхлинуло Ислай.

— Видишь?

— Вижу в кустах лошадей, и люди около них... Значит — нет сядь!

— Может быть, как-нибудь переправимся.

— Толстой! Известно, переправимся... когда лед пройдет. А до той поры что будем делать? То-то... И потом — есть я хочу! Так хочу есть, что даже сказать этого невозможно простым языком. Говорят я тебе — давай закусим... Нет, вези... На, привез...

— Есть и мне хочется... Ты ничего не вязь с собой?

— Ежели я позабыл! — сердито ответил Ислай.

Выглядывая из-за его спины, я видел колхоз, запряженную тяжелой лошадью, и плачущий шарабан парой. Лошади смотрели на меня, а около них стояли какие-то фигуры: одна высокая, с ряжими усами, в фуражке с красным окальцем, другая — в черном драпированном скотурке на меху.

— Земской начальник Сущев, а это Мамаев, — пропоротил Ислай вполоборота ко мне и поклонительным тоном приказал своему коню:

— Тиру, рабочий... Опознали мы, стало быть? — сдвинув с головы шапку, обратился я к толстому кучеру, стоявшему у троеки.

— Не потрафили, — улыбаясь, ответил кучер хмуро взглянув на его голый, яичек-образный череп и молча отвернулся в сторону.

— Не потрафили, — улыбаясь, ответил кучер хмуро взглянув на его голый, яичек-образный череп и молча отвернулся в сторону.

— Ты, рабочий... Опознали мы, стало быть? — сдвинув с головы шапку, обратился я к толстому кучеру, стоявшему у троеки.

— Ну, вот ты грамотный, — строже заговорил земской, — ты должен знать лучше, как тебе жить оттого, что ты грамотный?

— Всюка бывает, — сказал Кирилка, наклоняя голову еще ниже.

— Да нет все-таки — ты читаешь, ну, что же, какая польза от этого для тебя?

— Польши, оно, конечно, нет, чтобы, значит, прям взять ее... но ежели рассказать, то... учат, стало быть, в пользу...

— Кому — им?

Улыбку, и в ней одновременно соединялись почтительность с наисмешкой и глупость с плюговством. Он сидел на карточках, был похож на обезьяну, и медленно поворачивая голову то туда, то сюда, следил за всеми, не поглядывая никому своих глаз. Из бесчисленных дыр его подушубка высывались ключи грязной овчины, и вся фигура мужика производила странное впечатление: он казался изживанным, как будто только сейчас вырвался из какой-то огромной пасти, пытавшейся съесть его... Высокий буровый песок, за которым мы стояли, скрывал нас от ветра и руки от нас.

— Пойти, взглянуть, как там делают? — сказал Ислай и полез на бугор.

За них угрома двинулся земской начальник, потом я и купец. Мужичонка встал на четвереньки и тоже стал карабкаться на бугор. Когда мы взлезли на его спину, то все сели там мрачные, как вороньи. Пред них аришины в четырех расстояния и сажени на три ниже нас — широкой синеватой-серой полосой лежала река, вся в морщинах, в извалах, в кочках мелко истертого льда. Лед покрывал ее, как болезненной коростой, и двигался медленно, но — несокрушима сила была в его движении. Скрипучий провор скользил в воздухе, холмом и сырьем.

— Кирилка! — позвал земской начальник.

Мужичонка вскочил на ноги и, ставившись на головы шапки, согнувшись пред земским так, точно представляя ему свою голову на отсечение...

— Что же — скоро?

— Не задержит, ваше благородие, сичас встанет... Изволите видеть, как прет. В этот густом ходу не может он не встать... Там, на версту выше — коса. Как на нее находит — там и готово дело. Вся штука в большой чке... ежели чка увезет в воротах около косы — тут ему и принона! Тиснет ее в узину — она весь ход и задержит...

— Ну, ладно...

Мужичонка шлепнул губами и умолк.

— Нет, это чорт знает что! — возмущенный загородил земской — Я же ведь говорил тебе, идти, переправь две лодки на эту сторону? — а говорил?

— Говорили, это верно! — вплювот отвел мужик.

— Ну-ну, а ты?

— Не успел, — потому — тронулась она сразу...

— Болван! Нет, — обратился земской к Мамаеву, — эти осмы совершенно не могут понимать человеческого языка!

— Сказано — муж-жин-и-с... — любезно улыбнулся, прополоскал Мамаев, —раслыха... — а река, как огромная змея, попала пред нами и терлась о берег своей холмистой, серой чешуйкой.

Из-за реки всплыла из воды чаша, которая бросается из стороны в сторону в своем стремлении склониться, чтобы ей необходимо и что ускользает от нее. От нас ускользал предмет разговора — мужик. Кто он? Он сидел на неске недалеко от нас; он молчал, и лицо его было бесстрастно.

Мамаев говорил:

— Не задержит, ваше благородие, сичас встанет... Изволите видеть, как прет. В этот густом ходу не может он не встать... Там, на версту выше — коса. Как на нее находит — там и готово дело. Вся штука в большой чке... ежели чка увезет в воротах около косы — тут ему и принона! Тиснет ее в узину — она весь ход и задержит...

— Ну, ладно...

Мужичонка шлепнул губами и умолк.

— Нет, это чорт знает что! — возмущенный загородил земской — Я же ведь говорил тебе, идти, переправь две лодки на эту сторону? — а говорил?

— Говорили, это верно! — вплювот отвел мужик.

— Ну-ну, а ты?

— Не успел, — потому — тронулась она сразу...

— Болван! Нет, — обратился земской к Мамаеву, — эти осмы совершенно не могут понимать человеческого языка!

— Сказано — муж-жин-и-с... — любезно улыбнулся, прополоскал Мамаев, —раслыха... — а река, как огромная змея, попала пред нами и терлась о берег своей холмистой, серой чешуйкой.

Это говорил Ислай, говорил голосом елейных и почтительных, сладко улыбаясь и вздыхая, его глазки робко шуршили и пытливо извивались, как вспышки на солнце на крыше купола. Рыжий дракончик сидел на колхозах, сидел на изогнутом хвосте, на котором висела кисть из пыльцы, и смотрел на нас, как на него одинаково право, —приветствует, — которые хотят есть... Что же? разделом пополам... сию складную трапезу... Черт возьми! Вот смешное положение, но, погодите же, заслать на берегу, я так спешил... Извольте...

Оглянувшись, он подал кусок хлеба Мамаеву. Кунец присунул глаза, склонив голову на бок, и, измерив хлеб, откормил свою долю. Остатки взял Ислай и разделал со мною. Мы снова сели в ряд и стали дружно, молча жевать этот хлеб, хотя он был похож на глину, имел запах потной овчины и квашеной капусты... и неизвестный вкус...

Я едил и наблюдал, как по реке плывут различные лодочки из зимних одежд.

— Вот, — говорил земской, с широким улыбкой на лице, — извлекнула кусок в руку сунул за пазуху и, положив хлеб на шапку, протянул его к земскому, изогнувшись чуть не в дугу. Взял хлеб в руку, земской брезгливо оттолкнул его и с кислой улыбкой под усами сказал нам:

— Господи! Все мы, я вижу, являемся претендентами на обладание этим куском, и все мы имеем на него одинаковые права... право людей, которые хотят есть... Что же? разделом пополам... сию складную трапезу... Черт возьми! Вот смешное положение, но, погодите же, заслать на берегу, я так спешил... Извольте...

— Это — точно, помешник мог заставить быть, что угодно... уверен он сказал Мамаев.

— Он что хотел из мужика делал...

— Музыкантов, живописцев, актеров, танцов... с жаром подхватил земской.

— Всё, что угодно!

— Истинно-с!.. Я, вот, тоже помню, когда еще мальчишкой был... так у нас... у града... в дворе был один... подражатель, так сказать...

— Ну-да?

— Всему выучился подражать! Не только звуку, которые от человека и скота... но даже деревянных и иных... изображен, как доски пилият или стекло блестят. Падают щеки и — хорошо выходят! А то, бывало, граф скажет: Фелька! лай, как Злобина лает! Фелька! лай, как Перехват!.. И лает! Вот до чего достичь! Генерал бы за этакое искусство мно-ого денег можно взять!

— Лады слушай! — возгласил Ислай.

— А! Наконец!

— Вот и дождались... — с улыбкой сказал мне Мамаев.

— Да...

— Уж это всегда так: жаден, жаден и... дожденься! Всему есть свой конец...

— Ведь, это утешительно, — не правда ли?

— Еще бы-с!

— Ежели бы не это — многие совсем не могли бы жить терпеть, — сказал Ислай.

— Одна была...

— Было сырь, пумы и жутко, и все мы смотрели за борта на этот грязный, холмистый лед, такой могучий и глыбый. Но вдруг

— земской, окружавшем нас, я услыхал голос с берега и взглянул туда. Берег был еще саженя в десяти от нас, на нем стоял

башня Кирилка; я видел его серые, бойкие и наименее глаза и слышал Кирилки странный сильный голос:

— Дядя Антон! За почтой поедете — хле-

ба мне привезите, смыши? Господа-то, путь

ожидают, краюшку у меня сели, а —

одна была...

— Извольте...

— Извольте...

— Извольте...

— Извольте...

— Извольте...

— Извольте...